

Г. Г. МЕЛЬНИЧЕНКО

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА
XII—НАЧАЛА XIII в.**

(На материале современных говоров)

Предварительные замечания

I. Объектом нашего исследования являются современные русские говоры на территории, которую в XII — начале XIII в. занимало Владимиро-Суздальское княжество. Границы этого княжества мы принимаем в тех очертаниях, которые даны в 8 томе «Большой советской энциклопедии» (2-е изд., 1951). По современному административному делению эта территория полностью или частично охватывает следующие области: Архангельскую, Владимирскую, Вологодскую, Горьковскую, Ивановскую, Калининскую, Кировскую, Костромскую, Московскую и Ярославскую.

II. Обращение к материалам говоров этой территории для решения различных проблем истории русского народа и его языка является вполне оправданным и закономерным. Во-первых, на этой территории носители русского языка сравнительно рано расселились компактными группами, благодаря чему здесь более явно, чем в зонах позднейшей колонизации, сохраняется относительная цельность диалектных систем. Это позволяет надеяться на возможность установления определенной преемственности между современными диалектными подразделениями и подразделениями предшествующих эпох, особенно если учесть при этом летописные сведения о составе восточнославянских племен и их расселении. Во-вторых, эта территория является колыбелью русской (великорусской) народности, здесь сложилось ядро будущего Русского централизованного государства.

III. Неоднородность говоров этой территории общеизвестна. Впервые в наиболее обобщенном виде она нашла отражение в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915). Членение русских говоров, данное в этом коллективном труде, вошло затем во все пособия по диалектологии. Дальнейшие исследования в этой области уточняли, конкретизировали характеристики отдельных диалектных зон, но основные подразделения русского диалектного языка, данные в «Опыте» 1915 г., не утрачивали своего значения. Итоги дальнейшего изучения русских говоров в период с 1915 по 1964 г. подведены в другом коллективном труде «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (1964). В этой книге и в приложенной к ней «Диалектологической карте русского языка» дано более детальное и более точное членение русского диалектного языка, основанное на обширных материалах, собранных как по единой программе для составления диалектологического атласа русского языка, так и в ходе огромного количества разнообразных диалектологических исследований.

Будучи составлены на основе разных материалов и по разным принципам, указанные карты (1915 и 1964 гг.) объединяются, однако, тем, что они дают суммарную картину членения русского диалектного языка (диалектных зон), а не ареалов и изоглосс отдельных диалектных явлений. Наличие таких карт не только не исключает, а, наоборот, предполагает существование целой серии разнообразных карт (атласов), показывающих ареалы и изоглоссы отдельных явлений и их совокупностей. «Ареальные» и «изоглоссные» карты необходимы для того, чтобы проследить линии связей между диалектными зонами, пути миграции носителей тех или иных диалектных особенностей, различные процессы, совершающиеся в говорах, и пр. Этим целям служат диалектологические атласы русского языка, составленные диалектологическим сектором Института русского языка АН СССР¹. Этим же целям в какой-то мере могут послужить и наши лингвистические карты, охватывающие территорию бывшего Владимиро-Суздальского княжества.

В частности, мы полагаем, что эти карты, взятые в единстве с фактами истории народа, могут быть использованы для дальнейшей разработки вопроса о времени возникновения доживших до наших дней диалектов (говоров) русского языка, для установления некоторого соотношения между ареалами современных диалектных явлений, а также зонами расселения и путями миграции различных групп носителей русского языка в предшествующие эпохи.

IV. 1. Опираясь на свои исследования и исследования других авторов, лингвистов и историков, Р. И. Аванесов пишет: «Диалектные различия у восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней эпохе... эпохе феодальной раздробленности и последующему времени»².

Этот основной вывод он дополняет очень важным, с нашей точки зрения, замечанием: «Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности»³. Это соответствует нашей точке зрения, согласно которой диалектные различия у восточных славян (пусть самые незначительные) начали появляться уже в период родоплеменного строя.

2. Древнерусская народность (Киевская Русь IX—XII вв.) образовалась на базе относительно изолированных друг от друга племенных союзов, населявших обширные территории. Каждый из таких союзов уже к IX в. мог иметь какие-то языковые особенности, выработанные в предшествующую эпоху (VI—VIII вв.). В эпоху Киевской Руси, при территориальной и хозяйственной разобщенности отдельных этнических объединений, могли не только сохраниться эти различия, но и появиться новые.

3. В период феодальной раздробленности Киевской Руси этнический состав населения разных княжеств складывался, видимо, по-разному: население одних княжеств составляли этнические группы одного пле-

¹ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», М., 1957; еще не изданные: «Атлас русских говоров северо-западных областей СССР»; «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы», «Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР»; «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы». Близок к завершению «Атлас русских говоров юго-восточных областей РСФСР».

² Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, ВЯ, 1953, 2, стр. 64.

³ Там же.

менного союза, тогда как в других оно состояло из этнических групп разных племенных союзов, в той или иной мере отличавшихся одна от другой численным составом, языком, бытовым укладом, хозяйственной деятельностью и пр. В условиях хозяйственной разобщенности княжеств все это не могло не сказаться на дальнейшем развитии языка в пределах различных земель и областей.

Все этнические подразделения родо-племенного периода и административно-территориальные подразделения периода феодальной раздробленности объединяла общность языка, унаследованная ими от предшествующих эпох. Эта общность поддерживалась относительным единством письменной традиции⁴. Развитие языка в указанные периоды шло в основном по двум линиям — как по линии накопления и сохранения территориальных диалектных различий, так и по линии расширения языкового единства в рамках отдельных подразделений и их совокупностей. Понятно, что в разные периоды в разных лингвистических зонах эти процессы протекали неравномерно, противоречиво, с неодинаковой степенью интенсивности.

4. Поскольку княжества (области, земли) возникали на базе племенных союзов, то и территории отдельных княжеств могли в какой-то мере совпадать с территориями лежащих в их основе этнических объединений. Следовательно, тот факт, что зона распространения того или иного диалектного явления в какой-то мере совпадает с территорией того или иного княжества, не всегда может служить надежным свидетельством того, что это явление возникло именно в период феодализма; то же можно сказать и об отражении диалектных явлений в письменных памятниках, принадлежащих различным областям. В ряде случаев очень трудно провести грань между диалектными особенностями отдельных племенных союзов и отдельных княжеств, возникших на их основе, так как для этого мы часто не располагаем достаточным количеством надежных данных.

5. Наличие в «Повести временных лет» (начало XII в.) перечня восточнославянских племен и сведений о зонах их расселения является, с нашей точки зрения, убедительным свидетельством того, что в этот период феодализма на Руси племенное деление все еще осознавалось летописцем как живое явление, а деление на княжества — как нечто дополнительное, накладывающееся на племенную основу. Понятно, что постепенно племенные названия забывались и их заменяли административно-территориальные. Но исчезновение племенных названий в летописи к концу XII в. не может служить доказательством стирания диалектных различий между отдельными этническими группами.

6. Период феодальной раздробленности сыграл огромную роль в формировании территориальных диалектов как относительно самостоятельных систем, возникших на основе диалектов различных этнических объединений. С одной стороны, в этот период в пределах каждой административно-территориальной единицы (княжества, области, земли) решались судьбы диалектных особенностей, унаследованных от предшествующих периодов: одни могли постепенно исчезать, другие получали более широкое распространение, третьи продолжали сохраняться приблизительно в тех же зонах, где они были раньше, и пр.; с другой стороны, здесь могли

⁴ Мы согласны с Ф. П. Филиным («Образование языка восточных славян», М.—Л., 1962, стр. 224), что письменность на Руси появилась в X в. (может быть, в конце IX в.), т. е. до распада Киевской Руси на отдельные княжества. Этим, видимо, в очень значительной степени объясняется относительно большое единство языка письменных памятников более ранней поры (XI—XII вв.), чем последующих столетий периода феодальной раздробленности Руси.

появляться новые диалектные особенности с разной степенью распространенности по зонам и сферам употребления.

При этом мы все же считаем необходимым отметить, что, во-первых, там, где в состав обширного, — например Владимиро-Суздальского, — княжества включились компактные группы потомков различных племенных союзов, следы этнических различий в языке полностью не стерлись и дожили до наших дней; во-вторых, не следует абсолютизировать цельность отдельных княжеств: общеизвестно, что княжества укрупнились и дробились. Не исключено, что при дроблении княжеств в отдельных случаях могли играть какую-то роль и следы прежних этнических объединений. Экономические и политические условия, сложившиеся внутри княжеств, не требовали значительно большего единства языка народных масс, чем то, которое было унаследовано ими от родо-племенного строя.

7. Из этого вовсе не следует, что современные диалектные подразделения на той или иной территории прямо отражают этнические подразделения родо-племенного периода. Соотношения этих двух систем еще недостаточно исследованы. Но надо полагать, что они были чрезвычайно сложны и противоречивы. Поэтому ошибочно было бы думать, что говоры того периода и современные говоры должны различаться одними и теми же дифференцирующими признаками, что количество этих признаков не изменилось, что каждая современная диалектная черта обязательно берет свое начало в каком-нибудь племенном диалекте и что в период племенных союзов и в период феодализма в местных говорах не расширился круг диалектных черт, общих для целых объединений.

8. Племенные диалекты не могли оставаться неизменными. Они должны были изменяться, во-первых, в связи с развитием хозяйственной, социальной и культурной жизни каждого племени; во-вторых, в связи с дальнейшим дроблением или, наоборот, слиянием, сближением, а также территориальным перемещением отдельных племен или племенных групп; в-третьих, в связи с межплеменными контактами в рамках данного племенного союза и вне его, включая общение с неславянскими племенами (например, ассимиляция угро-финских племен на севере).

9. Таким образом, современные говоры, как частные системы в составе единого русского языка, несут в себе черты, приобретенные ими в разные времена, в разных конкретно-исторических условиях, начиная с периода родо-племенного строя.

У. 1. Материалами для данной работы в основном послужили ответы на 3, 27, 29, 34, 35, 61, 109, 117-и, 141, 144, 147, 151, 159, 162, 163, 165, 166, 167, 169, 172, 177, 178, 180, 184, 189, 210, 214, 233, 235, 237, 238, 241, 243, 245, 247, 254, 261, 270, 286, 289 и 294 вопросы «Программы собирания материалов для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1947), которые были изданы отдельной брошюрой. Основываясь на предшествующем опыте работы по «Программе» 1947 г., мы изменили редакцию ряда вопросов, с тем, чтобы избежать неполноты и неточности в ответах на них.

2. Кроме собранных нами ответов на указанные вопросы и ответов, хранящихся в диалектологическом секторе Института русского языка АН СССР, были также использованы: 1) ответы на «Программу собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров» (Ярославль, 1951 и 1959); 2) картотека «Словаря русских народных говоров» Института русского языка АН СССР; 3) картотека «Древнерусского словаря» Института русского языка АН СССР; 4) многочисленные печатные словари; 5) разнообразные печатные и рукописные тексты.

3. Вся территория была разбита на клетки по 225 кв. км., в каждой из которых обследовался минимум один населенный пункт (в значительной

части клеток было обследовано по несколько населенных пунктов). Наиболее детально обследована территория IV тома диалектологического атласа русского языка (по делению 1946 г.)⁵.

О ростово-суздальском диалекте

I. Вопрос о ростово-суздальском диалекте имеет самое непосредственное отношение к теме нашего исследования, поэтому мы коснемся его в первую очередь.

Термин «ростово-суздальский диалект» встречается не только в научных исследованиях, но и в учебных пособиях; несмотря на это, он все же нуждается в уточнении. С нашей точки зрения, «ростово-суздальский диалект» и «говоры Ростово-Суздальского княжества» суть не одно и то же; эти явления, надо полагать, не совпадали и в прошлом, в период существования Ростово-Суздальского княжества. Ростово-суздальский диалект занимал, должно быть, лишь какую-то часть территории этого княжества между Волгой и Клязьмой. Насколько нам известно, территория распространения ростово-суздальского диалекта никем еще не была определена более или менее точно.

II. Н. Н. Соколов в 1914 г. считал возможным, с некоторыми оговорками, выделить следующие владими́ро-ярославские говоры: Ярославского, Угличского, Рыбинского уездов Ярославской губ. и северных уездов Владимирской губ., кроме уездов Покровского, Меленковского, Судогодского, Муромского и Гороховецкого⁶.

III. Н. Н. Дурново в 1927 г. выделял в составе Владимирско-Поволжской группы говоров северновеликорусского наречия Ярославскую группу, не указывая занимаемой ею территории, но перечисляя ее характерные признаки: 1) произношение *ѣ* как *е*; 2) сохранение *а* между мягкими согласными без перехода в *е* как под ударением, так и без ударения; 3) сохранение этимологического различия *ц* и *ч*, причем *ц* произносится твердо, *ч* мягко; 4) отвердение *с* в суффиксах *-ск-* и *-ств-*; 5) сохранение группы *ѣн*; 6) утрата некоторых архаизмов в постановке ударения: так, во 2-м лице мн. числа глаголов ударение никогда не бывает на конце; 7) дат.-местн. ед. числа на *-ѣ* от имен на *-а*; 8) отсутствие 3-го лица ед. и мн. числа глаголов без *-т*; 9) *л* мягкое после губных и шипящие перед окончанием 1-го лица ед. числа глаголов в 2-го тематического спряжения (на *-и*) с основой на губные и зубные (в других говорах части такие формы, как *спю*, *молотю*, *видю*, *просю*); 10) отсутствие 2-го лица ед. числа на *-си* от нетематических глаголов: *еши*, *даш*; 11) отсутствие инфинитивов на *-ти* с ударением на основе (инфинитивы на *-ти* с ударением на конце сохраняются) и инфинитивов на *-чи*.

В качестве лексических отличий этой группы Н. Н. Дурново отмечал «исключительное употребление слов *бороновать* (а не *волочить*), *лошадь* (не *конь* или *комонь*), *пахать* (не *орать*), *зола* (не *пепел*), *пахарь* (не *ратай*) и др.»⁷.

⁵ Принципы членения Европейской части СССР для диалектологического атласа русского языка даны в «Программе собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М., 1946, стр. 79—82), а само членение приводится в «Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка АН СССР» (М.—Л., 1948, вып. 2, стр. 8—10). Разбивка территории на клетки дана на наших картах. Кроме того, на картах обозначены границы Владимиро-Суздальского княжества в XII — начале XIII в. и границы Ярославской области по современному административному делению.

⁶ Н. Н. Соколов, Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия, РФВ, LXXI, 2, 1914, стр. 309.

⁷ Н. Н. Дурново, Введение в историю русского языка, М., 1969, стр. 147—148.

IV. В 1947 г. Р. И. Аванесов в качестве примера «образования диалекта области на почве объединения старых племенных диалектов» приводит Ростово-Суздальскую Русь, население которой «составили главным образом потомки кривичей, а также словен, частично вятичей»⁸.

В 1953 г. в другой своей работе Р. И. Аванесов, рассматривая процесс образования великорусской народности, констатирует образование в центральных областях Русского государства (Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Владимир) особого диалекта и при этом перечисляет те же отличительные признаки этого диалекта, которые Н. Н. Дурново указал в качестве особенностей Ярославской группы говоров. К этому Р. И. Аванесов прибавляет: «Продолжением этого диалекта являются так называемые владимирско-поволжские говоры...»⁹.

V. Наши материалы, собранные в 1954—1959 гг., показывают, что зоны распространения признаков, отмеченных Н. Н. Дурново как характерные для Ярославской группы говоров, на территории Владимиро-Суздальского княжества к этому времени значительно сместились: первый признак характерен для всех говоров по правую сторону Волги, кроме зоны VIII¹⁰; второй признак, если не считать слова *опеть* (*опять*), которое распространено почти по всей территории между Волгой и Клязьмой, но не западнее линии 24¹¹, распространено по всей территории по правую сторону Волги и частично — по левую (зоны IX и VI); третий признак теперь характерен не только для всей территории по правую сторону Волги, но и по левую до линии «И»; четвертый признак характерен для всей территории по правую сторону Волги и по левую в VI зоне; пятый признак нами не картографирован; шестой признак сплошь отсутствует только южнее линии «С». Севернее этой линии, почти по всей территории, ударение на предпоследнем слоге перемежается с ударением на конце слова; седьмой, восьмой и девятый признаки распространены на всей территории по правую сторону Волги; десятый признак характерен не только для всей территории по правую сторону Волги, но и для значительной части говоров по левую ее сторону. Последовательно формы *еси*, *даси* употребляются только в говорах I и частично II зон.

Сместились и границы распространения слов, указанных Н. Н. Дурново как признак ярославской группы говоров. Слова *бороновать*, *лошадь*, *зола*, *пахарь* употребляются сейчас не только на всей территории Владимиро-Поволжской группы говоров, но и в значительной части говоров Вологодско-Кировской группы. Слово *баской*, указанное Н. Н. Дурново как отсутствующее в этих говорах, по нашим данным, в них имеется. Р. И. Аванесов в названной выше статье к числу слов, отсутствующих в говорах Владимиро-Поволжской группы, отнес *баско*, *баской*, *лонись*, *порато*, *обиле* («хлеб на полях»), *лопоть*, *оболочка*, *оболокаться*, *разболкаться*, *конь*, *орать*, *пепел*.

В общем это правильно. Но наши материалы позволяют несколько уточнить зоны распространения этих слов в настоящее время:

слова *баско*, *баской* распространены и в северной половине Владимиро-Поволжской группы говоров (VIII, IX, XI и частично XII и XIII зоны);

⁸ Р. И. Аванесов, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 1947, 9, стр. 128.

⁹ Р. А. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, стр. 68.

¹⁰ Здесь и далее римскими цифрами обозначены зоны, показанные на карте № 1.
¹¹ Линиями мы условно называем полосы, обозначенные на всех наших картах (по краям) арабскими цифрами по вертикали и буквами — по горизонтали.

слово *лонись* отсутствует не только на всей территории Владимирско-Поволжской группы, но частично и по левую сторону Волги (IV и V зоны); слово *порато* отсутствует не только во Владимирско-Поволжских говорах, но и очень редко встречается в Вологодско-Кировских;

слово *обилые*, видимо, уже не может служить дифференцирующим признаком для говоров изучаемой нами территории, так как оно почти повсеместно употребляется в том же значении, что и в литературном языке — «множество, избыток чего-либо»;

слово *лопоть* полностью отсутствует во Владимирско-Поволжских говорах и редко встречается в Вологодско-Кировских; его можно считать характерным только для II зоны;

слово *оболочка* тоже отсутствует во Владимирско-Поволжских говорах, сравнительно редко встречается по левую сторону Волги (до линии «Ии») и широко распространено только в зонах I, II и III;

слова *оболокаться* и *разоболокаться* частично распространены и на территории говоров Владимирско-Поволжской группы, по правобережью Волги, от Ярославля до Горького; в районе Юрьевец — Горький они занимают почти полностью IX и XIII зоны;

слова *орать* и *пахать* территориально разграничены; *орать* отмечено и на территории Владимирско-Поволжской группы — вдоль Волги от Углича до Юрьевца, отдельные случаи его употребления зарегистрированы в районе Петровского, Иванова, Гаврилова-Посада; на территории же Вологодско-Кировской группы оно более или менее компактно располагается только в зонах V и VI, а в зонах I, II и III оно почти отсутствует;

слова *зола* и *пепел* теперь уже не служат признаками противопоставляемых групп говоров, так как они часто употребляются в одних и тех же местах с некоторыми различиями в значении: *зола* — имеется в виду печная зола или вещество, удобряющее почву, *пепел* остается от папирсы, от сгоревшей бумажки, листьев дерева и других тонких и легких предметов; в некоторых местах печную золу называют *горновым песком*;

слова *конь* и *лошадь* сейчас уже тоже не являются признаками разных диалектных групп: слово *лошадь* распространено повсеместно, по обе стороны Волги.

VI. Из всего изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Видимо, терминами «ростово-суздальский диалект», «владимиро-ярославские говоры» и «ярославская группа говоров» исследователи обозначают говоры приблизительно одной и той же территории.

2. В настоящее время уже не представляется возможным по признакам, указанным Н. Н. Дурново, выделить на фоне Владимирско-Поволжской группы северновеликорусского наречия группу ярославских говоров.

3. Ростово-суздальский диалект в своей основе был говором восточных кривичей, позже испытавшим на себе влияние других говоров, в том числе и некоторое влияние говоров словен (новгородцев), особенно в области лексики, о чем более подробно будет сказано в следующей главе.

4. Ростово-суздальский диалект как основа языка великорусской народности имел ограниченную зону распространения, т. е. на первом этапе это была зона колонизации восточных кривичей. Опорными точками в этой зоне вслед за Р. И. Аванесовым мы склонны считать Владимир, Ростов, Суздаль, а затем Москву¹². Говоры потомков словен, распространившиеся,

¹² Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, стр. 65.

в основном, по правую сторону Волги, составляли особую диалектную зону.

5. В полном соответствии с данными современных говоров находится утверждение Р. И. Аванесова, что продолжением ростово-суздальского диалекта являются так называемые владими́ро-пово́лжские говоры¹³.

6. Со времени издания диалектологической карты 1915 г. произошли значительные изменения в судьбе наиболее характерных дифференцирующих признаков Владимирско-Поволжской и Вологодско-Кировской групп. Одни из них исчезают и в ряде мест уже исчезли под воздействием литературного языка (переход *a* в *e* между мягкими согласными, неразличение этимологических *ц* и *ч*, переход *дн* в *ни*, формы *стю*, *молотю* и др.), другие несколько переместились и появились в «чужой» зоне. Некоторые признаки говоров Владимирско-Поволжской группы распространились по левую сторону Волги: *плетень* (изгородь), *жало* (у косы), *запон* (фар-тук); и наоборот, слова, характерные для говоров Вологодско-Кировской группы, появились по правую сторону Волги: *пестерь* (корзина), *молотило* (цеп), *баса* (краса), *баской* (красивый), *баско* (красиво), *зимусь* (прошедшей зимой) и некот. др.

Лингвистические карты и их интерпретация

1. На базе собранных нами материалов составлено 74 карты: 5 фонетических, 1 морфологическая и 68 лексических. Таким образом, в основе нашего исследования лежит лексический материал.

Из фонетических явлений нами картографированы только: 1) гласные на месте этимологических *e*, *ь* после мягких согласных перед твердыми в первом предударном слоге; 2) гласные на месте *ѣ* под ударением перед мягкими согласными; 3) гласный на месте *a* под ударением между мягкими согласными; 4) аффриката *ч* и ее соответствия; 5) аффриката *ц* и ее соответствия; 6) произношение суффиксов *-ств-*, *-ск-* в словах *богатство*, *русский* и под.

Из области морфологии взято только одно явление: место ударения в глаголах 2-го лица мн. числа настоящего и будущего (простого) времени.

Из области лексики взяты следующие группы слов:

1. Слова, обозначающие крестьянскую усадьбу в целом или какую-то ее часть: а) слова с корнем *-гуви-* (*-гуми-*); б) слова *дворина*, *дворище*; в) слова *одворина*, *одворица*, *одворье*, *удворина*; г) слова *овин*, *овинница*; д) слова *усад*, *усадебник*; а) слова *печина*, *печище*, *план*, *плант*, *сыр*, *осырок*, *подсырок*, *творило*; ж) слова *загорода*, *огородец*.

2. Слова, обозначающие чердак (над домом): а) слова с корнем *-верх-*; б) слово *подволока* и его варианты; в) слова *вышка*, *под*, *понебье*, *сушило* (*лы*).

3. Слова, обозначающие чердак над двором: *поветь* (*повить*), *подволока*, *полати*, *сарай*, *сельник(-ица)*, *сенник(-ица)*, *сушила*.

4. Слова, обозначающие изгородь: а) слова *загородь*, *изгорода*, *изгородка*; б) слова *загорода*, *загородка*; в) слово *огород*; г) варианты слова *огород* и сочетания с ним; д) слова *осек*, *прясло*; е) слово *плетень*; ж) слово *тын*.

5. Слова, обозначающие цилиндрический сосуд из бересты: *бурак* (*бурачок*), *туес* (*туесок*).

6. Слова, обозначающие корзины: а) слова с корнем *пестер-* (*пецпер-*); б) слова *плетуха*, *плетюга*, *плетюха*; в) слова с корнем *короб-*; г) слова с корнями *бард-*, *вер-*, *гроз-*, *мост-*; д) слова *беркун* (*беркунок*, *беркушка*), *зобня* (*зобенька*); е) слова с корнем *луб-*; ж) слова с корнем *корен-*; з) слова

¹³ Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, стр. 68.

колышка, крошня (крошонка), крошни; и) слова *гумённый (гувённый, огу-мённый)* в составных названиях; слова с корнями *шевер-*, *торф-*; слово *сеннуха*.

7. Слова, обозначающие цеп и его составные части: а) слова, обозначающие орудие в целом: *молотилка, молотило, приузь* и его варианты, *цеп* и его варианты; б) слова, обозначающие ручку цепа: *бадог (бадожок), падог (падожок), держак* и др., *кадка (кадочка)* и др., *ратовище, рукоятка, ручка, цевьё, черень* и др.; в) слова, обозначающие ремень. соединяющий составные части цепа: *путо* и др., *путце* и др., *путче* и др., *ремень, увязь, цепинка* и др., *шейка, шея*; г) слова, обозначающие бильную часть цепа: *баток (батожок), кадка, цепинка, валёк, головяшка, било, биток, битец, битка, битчик* и др., *молотило, молотилка, молотильник*.

8. Слова, обозначающие косу и ее составные части: а) слова, обозначающие орудие в целом: *горбуша, кованка, литовка, стойка, хлопуща, коса*; б) слова, обозначающие косовище: *косьё, косовище* и др., *косовье, окосье, окосево, черен(ь), черенок*; в) слова, обозначающие ручку на косовище: *костыльёк, курок, напалок* и др., *палец, рукоятка* и др., *ручка*; г) слова, обозначающие режущую сторону косы: *острие, вострие* и др., *лезвие, лезо* и др., *бой* и др., *жало, резево, клёп*; д) слова, обозначающие тупую и утолщенную сторону косы: *обух, обушок* и др., *рубец, спинка, хребет, ребро*.

9. Слова со значением «обрабатывать землю плугом, сохой»: *орать, па-затъ*.

10. Слова со значением «выдергивать с корнем лен при уборке»: а) слова *братъ, имать, рвать, щипать*; б) слова *дергать, драсть, таскать, тереть*.

11. Слова, обозначающие брюкву: а) слова *галанка, дрюква, ланда* и другие слова того же корня; б) слова *бушма, калега, немка, шведка* и др.

12. Слова, обозначающие стебли картофеля: *ботва, ветки, ветвина, картовник, летина, плети, тина* и др.

13. Слова, обозначающие листья свеклы: а) слова *бот, ботва, ботвинье, лыч* и др.; б) слова *летина, лист, мякина, свёкольник, тина* и др.

14. Слова, обозначающие навоз: *гной, навоз, назём, перегной, позём, сор*.

15. Слова, обозначающие жердь, которой скрепляют укладку сена, соломы, снопов на возу: а) слова: *жим, прижим, потяг, слега* и др.; б) слова *бастрыг, гнёт, гнетень, пригнёт, оглобля, пригнётка* и др.

16. Слова, обозначающие петуха: *додон, кочет, кочеток, певун (пеун), петух, петух*.

17. Слова, обозначающие муравьев: *засыхи, муравьи* и др., *мураши* и др., *сикунцы* и др., *сикунь* и др.

18. Слова, обозначающие тропинку: *глобка* и др., *дорожка, прямушка* и др., *стёжка, тропа, тропинка, тропка*.

19. Слова, обозначающие фартук (передник): *занавеска, запон* и др., *нагрудник, припон*.

20. Слова, обозначающие белье, верхнюю одежду: *лопоть. лопотье, оболочка* и др.

21. Слова со значением «одеваться, раздеваться»: *оболокаться, раз(о)-оболокаться*.

22. Слово *жито* в значении «ячмень».

23. Слова со значением «десять десятков мятого льна»: *кервь, кирвь, тервь*.

24. Различные значения слова *нива*: «жатва», «лес», «луг», «сенокос», «огород», «овощи», «стебли растений».

25. Слова со значением «краса, красота», «красивый», «красиво»: *баса, баской, баско*.

26. Некоторые временные понятия: *зимусь, лонись, лонской*.

II. Необходимо подчеркнуть, что при нынешнем состоянии нашей лексикографии интерпретация лексических карт, подобных нашим, чрезвычайно затруднена. Во-первых, у нас слишком мало региональных словарей¹⁴, а те, которые имеются, далеко не всегда могут служить источником научно обоснованных данных. Они составлялись в разное время, по разным принципам и не ставили целью проверить в данной местности то, что уже зафиксировано в говорах других местностей; значение одних и тех же слов в разных словарях раскрывается с разной степенью точности и полноты. Во-вторых, серьезные трудности создаются отсутствием достаточно полного исторического и этимологического словарей русского языка, а также сопоставительного словаря всех славянских языков.

Поэтому нам приходилось опираться в основном на данные самих карт, хотя, конечно, мы использовали по возможности все доступные нам словари и другие источники, отражающие интересующую нас лексику за пределами изучаемой территории.

III. На карты мы наносили только те слова, ареалы которых не охватывают всей территории княжества. Мы считаем, что эти слова могут, во-первых, выступать в качестве дифференцирующих признаков в пределах данной территории; во-вторых, они могут служить ориентирами при изучении словарного состава говоров других территорий; в-третьих, они могут быть использованы при решении некоторых вопросов истории русского языка и русского народа.

В пределах одной карты мы стремились объединять те явления, ареалы которых четко разграничиваются.

IV. 1. Ареалы картографируемых нами явлений в совокупности представляют собой очень сложную, даже, можно сказать, запутанную картину, так как в них отражаются разные исторические судьбы разных явлений. И все же при тщательном рассмотрении наших карт, при конкретном подходе к каждому отраженному в них явлению и учете его соотношений с другими явлениями, в том или ином плане ему противопоставленными, можно, как нам кажется, в известной мере воссоздать картину основного племенного деления населения изучаемой территории и обнаружить в составе основных колонизационных потоков следы более мелких этнических групп.

2. В интерпретации предлагаемых здесь карт за исходное мы берем следующие исторические данные: во-первых, территория, которую в XII — начале XIII в. занимало Владимиро-Суздальское княжество, в IX в. была заселена славянами приблизительно только наполовину; во-вторых, по этническому составу это население делилось на три основные группы: словене (новгородцы), восточные кривичи, вятичи, — каждая из которых отличалась, видимо, от других какими-то языковыми (диалектными) особенностями¹⁵. Эти два обстоятельства дают основания предположить, что в последующие столетия указанные племена расселялись на интересующей нас территории отдельными группами, вступая в многообразные контакты как друг с другом, так и с неславянскими племенами (меря, мари, мурома, мещера и др.).

¹⁴ Представляющий большую научную ценность «Словарь русских народных говоров», издаваемый словарным сектором Института русского языка АН СССР, к сожалению, еще далек от завершения: в печати находится только вып. 6 (Г — грубить).

¹⁵ О диалектном многообразии этой территории говорит и Р. И. Аванесов: «Ростовско-Суздальская земля, как известно, с самого начала отличалась диалектным многообразием, что было обусловлено неоднородностью ее первоначальной славянской колонизации, в которой приняли участие восточные кривичи, а также словене, кроме того, вятичи, а частично, возможно, и другие племена» («Вопросы образования русского языка в его говорах», стр. 136).

3. Каждая из таких групп, оседая на новом месте, во-первых, надолго сохраняла свои прежние языковые особенности, во-вторых, могла что-то утратить из того, что объединяло ее с другими группами, генетически связанными с нею; в-третьих, будучи не связанной с подобными ей этническими группами, она могла создавать в своей речи новые элементы, чем-то отличающиеся от соответствующих элементов в речи этих групп; она, в-четвертых, могла также что-то усваивать из речи соседних неславянских племен, или, наоборот, ассимилируя их, превращать их в носителей своих диалектных особенностей. Вот такой обособленностью отдельных групп, надо полагать, и объясняется иногда «островной» характер распространения некоторых диалектных слов (см. комментарии к карте 21, пункт 6).

Таким образом, совершенно не обязательно, чтобы вся совокупность лингвистических признаков, свидетельствующих о прежних этнических или административно-территориальных связях, восходила целиком и полностью либо к периоду родо-племенного строя, либо к эпохе феодализма. Тем более, что мы не всегда можем установить время появления того или иного слова в нашем языке в целом и в отдельных его местных говорах.

4. Нам кажется заслуживающим полного доверия следующее предположение А. А. Шахматова: «Словен и восточные кривичи, в силу стеснявших их с запада и с юга условий, направляют свои колонизационные движения на восток и северо-восток.

Восточные кривичи из области Поволжья естественно переходят в бассейн Оки и, осаживаясь в нем, покоряют себе местные финские племена. Появление здесь севернорусов давнишнее; оно предшествовало, конечно, образованию русского государства...

... часть вятичей двинулась к Оке и верхней Волге. Здесь произошла встреча этой части вятичей с восточными кривичами.

Эта встреча не носила, конечно, мирного характера: Суздальской земле пришлось отбиваться от вятичей, защищаться от них...

Впрочем, племенная борьба перешла вскоре в борьбу политическую: государственные организации, основанные, с одной стороны, восточными кривичами, а с другой, — вятичами, — вот, что входит в конфликт и кто продолжает борьбу; самое племя вятичей подпадает в известных частях своих под руку суздальского князя, и по всему видно, что именно это обстоятельство является причиной переноса политического центра северо-восточной русской области из Владимира на запад — в Москву.

Москва лежала на самой племенной границе между восточными кривичами и вятичами: первые сидели восточнее и севернее Москвы, вторые — западнее и южнее от нее¹⁶.

5. А. А. Шахматов не останавливается специально на колонизационных маршрутах словен (новгородцев), видимо, считая само собой разумеющимся, что они распространились севернее кривичей, так как он пришел к выводу, что «севернорусское наречие — это язык восточных кривичей и словен»¹⁷. Это утверждение А. А. Шахматова, насколько нам известно, никем не опровергалось.

V. 1. В данной статье мы приводим только восемь карт: №№ 1, 2, 8, 9, 16, 21, 27, 31 (карты помечены здесь теми же номерами, под которыми они числятся в диалектологическом кабинете Ярославского пединститута).

2. Каждая из этих карт, кроме 1 и 2, является представительницей целой серии карт, данные которых тоже в известной мере будут привлекать

¹⁶ А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. 1. — Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пг., 1916, стр. 111—112.

¹⁷ Там же, стр. 110.

ся нами при обосновании выделения той или иной зоны, при установлении маршрутов колонизационных потоков и связей между этническими группировками.

3. Известно, что границы говоров в целом и ареалы отдельных диалектных явлений или их совокупностей устанавливаются не с абсолютной точностью, — во-первых, потому, что обследование говоров обширных территорий всегда проводится не сплошь, а по определенной сетке; во-вторых, потому, что эти границы обычно очерчивают только зоны широкого распространения данного явления. Поэтому нет оснований считать, что за пределами указанной на карте границы данное явление полностью отсутствует. Границы ареалов и зон, обозначенных на картах, тоже являются в значительной степени относительными.

VI. Перейдем к рассмотрению карт.

К а р т а 1. 1. На карте 1 представлен лишь один из вариантов членения говоров интересующей нас территории по ареалам слов. Обозначенные на ней зоны выделены, во-первых, на основе слов, которые зарегистрированы только в этой зоне, и, во-вторых, на основе слов, которые встречаются как в данной зоне, так и в других, с нею не соприкасающихся. Для тех же случаев, когда слово зарегистрировано в нескольких соприкасающихся зонах, обозначенные на карте зоны являются как бы своеобразными конструктивными элементами, частями ареалов слов, имеющих более широкое распространение.

2. Покажем это на примере хотя бы одной только I зоны. На ней зарегистрировано 58 слов, но только 6 из них (*косой огород*, *прямой огород*, *пестёрка*, *парубень*, *лыч*, *потяг*) не отмечены в других зонах. 18 слов повторяются в других зонах, непосредственно не соприкасающихся с данной: *вышка* — чердак, *путо* — часть цепа, *батог* — часть цепа, *горбуша* и *литовка* — виды косы, *ручка* — ручка на косовище, *дёргать лён*, *брюква*; *тина* — стебли картофеля, *ботва* и *тина* — стебли огурцов, *прижим* — жердь для укрепления поклажи на возу, *пегун* — петух, *глобка* — тропинка, *тропинка*, *жито* — ячмень, *нива* — лес, *нива* — луг.

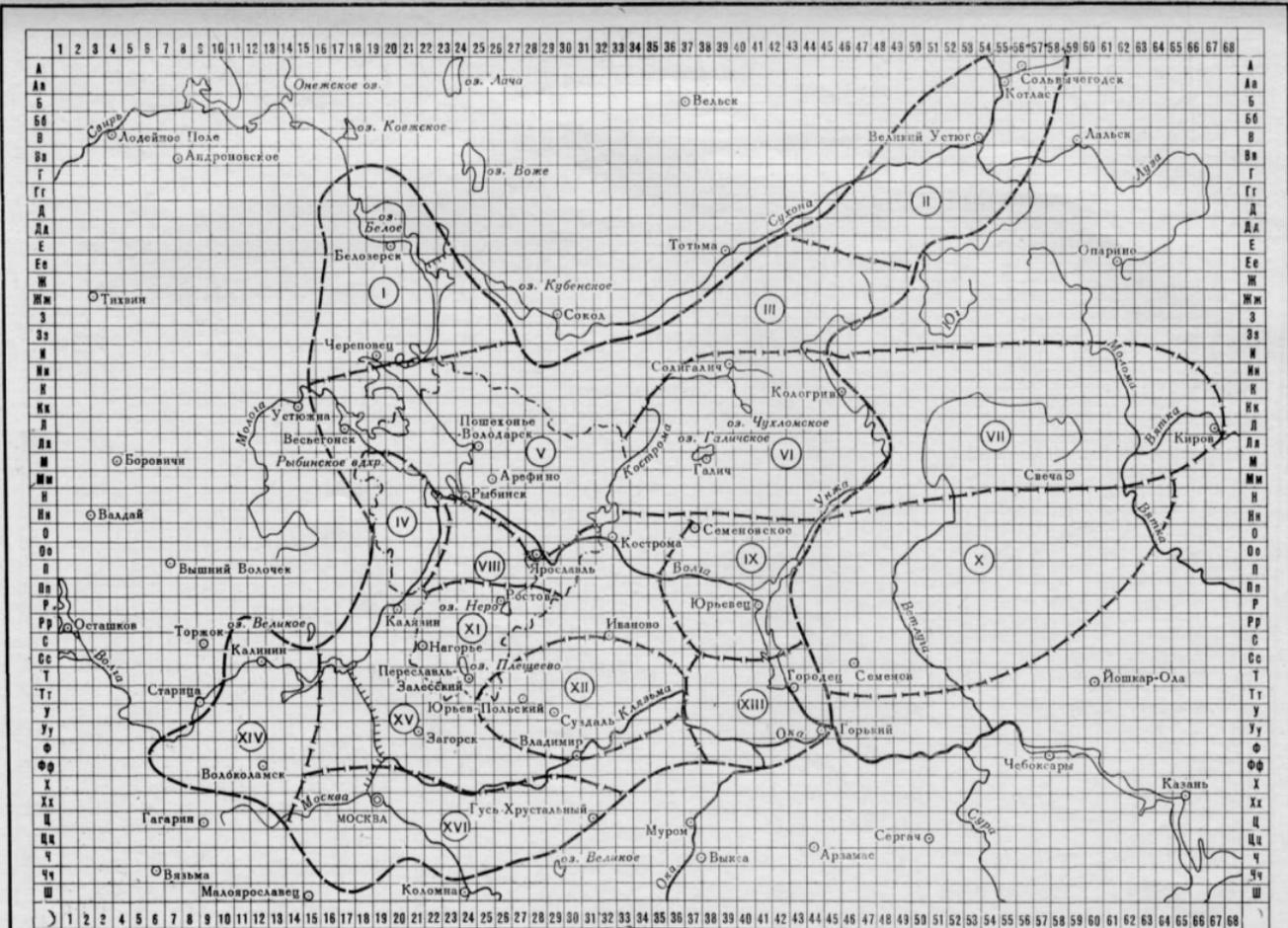
Остальные 34 слова отмечены как в зонах, непосредственно соприкасающихся с данной, так и в зонах более отдаленных. Например: *огород* (II—XI зоны), *осек* (II, III, VI, VII и X зоны), *тын* (III, IV, XI—XIII, XV и XVI зоны), *бурак* (II, III, V—XIII и XVI зоны), *молотило* (II—XI и XIII зоны), *кадка* (II—IV, VII, VIII и XIV зоны), *облокачься* (II, III, V, VII, IX, X и XIII зоны) и т. д.

3. Степень распространенности того или иного слова в пределах разных зон неодинакова: в одних зонах оно встречается в каждом из обследованных пунктов, в других же оно зарегистрировано только в отдельных пунктах. Бывает и так, что только часть зоны входит в ареал данного слова и т. п.

К а р т а 2. 1. Соотношение зон этой карты с зонами, обозначенными на карте 1, можно представить в табл. 1 (выделенные цифры обозначают те зоны на карте 1, которые полностью входят в соответствующую зону карты 2).

2. Из этого сопоставления видно, во-первых, что зоны, обозначенные на обеих картах, более или менее точно совпадают в пяти случаях (этим зонам на местности соответствуют сравнительно небольшие территории); во-вторых, что самым обширным зонам на карте 2 (III и VI) на карте 1 соответствует по пяти зон. Это вполне естественно, так как минимальные ареалы фонетических явлений обычно значительно шире минимальных ареалов слов.

3. Выше уже было указано, что ареалы многих слов объединяют в себе по несколько зон, выделенных на карте 1. Среди этих слов есть и такие,

Карта № 1. Членение современных говоров на территории Владимиро-Суздальского княжества по ареалам лексических групп

ареалы которых в очень значительной степени совпадают с обширными зонами, выделенными на карте 2. Так, ареалы слов *короб*, *поветь* — *повить* почти полностью совпадают с III зоной, а ареалы слов *загородь*, *бушма*, *плетюха*, *пещер* в значительной степени совпадают с VI зоной.

4. Итак, III и VI зоны карты 2, с одной стороны, могут быть составлены из соответствующих зон карты 1; с другой стороны, они могут быть подтверждены ареалами слов, распространенных на обширных территориях. Следовательно, два членения говоров, представленные на этих картах, взаимно дополняют друг друга, что очень важно с точки зрения интересующей нас проблемы.

5. Считаю необходимым подчеркнуть, что свою разбивку на зоны мы не рассматриваем как новую группировку (классификацию) говоров. Такое деление необходимо на данном этапе исследования как подсобный рабочий материал. Оно позволяет нагляднее, рельефнее представить в обобщенном виде содержание различных карт, отражающих ареалы отдельных диалектных явлений, и высказать некоторые предположения относительно миграции отдельных групп населения и этнических связей между ними.

6. Несмотря на то, что зоны на карте 1 обозначены нами не произвольно, а на основе учета ареалов ряда явлений, все же это членение на зоны является сугубо ориентировочным, в известной мере схематичным и нуждается поэтому в дальнейшем уточнении.

7. Так как при обзоре наших карт мы иногда исходим из того членения говоров, которое дано на диалектологической карте 1915 г., то мы считаем нужным указать, в каком соотношении находятся диалектные группы на этой карте и зоны на карте 1.

Вологодско-Кировская группа разделена нами на шесть зон: I, II, III, V, VI и VII; Владимирско-Поволжская группа — на восемь зон: IV, VIII, IX, X, XI, XII, XIII и XV; средневеликорусские говоры разделены на три зоны: VI (этими говорами занят частично район Чухломы, Галича, Солигалича), XIV и XVI.

К а р т а 8. 1. Эта карта подтверждает, что ёканье остается одним из характерных признаков Владимирско-Поволжской группы говоров.

2. Она также показывает, что ёканье частично распространилось и в говорах Вологодско-Кировской группы (особенно в зоне V).

3. На фоне окающих говоров по-прежнему выделяются акающие говоры: в зоне VI (частично) и в зонах XIV и XVI.

4. Традиционное разделение изучаемых нами говоров на указанные выше группы подтверждается еще и другими картами, не представленными в данной статье. Но и по предлагаемым здесь картам видно, что границы распространения явлений, характерных для каждой из этих групп говоров, сместились. Одни явления из вологодско-кировских говоров в какой-то мере распространились в говорах владимирско-поволжских, другие, наоборот, из владимирско-поволжских проникли в вологодско-кировские.

К первым можно отнести слова *оболочка* — одежда, отмечено и в X зоне, *оболокаться* — одеваться, *разоболокаться* — раздеваться, зоны IX X и XIII; *баса* — краса, зоны X, XI и XII; *баской* — красивый, *баско* — красиво, зоны IX, X, XI, XII и XIII; *зимусь* — прошлой зимой, зоны VIII, IX, X и XI.

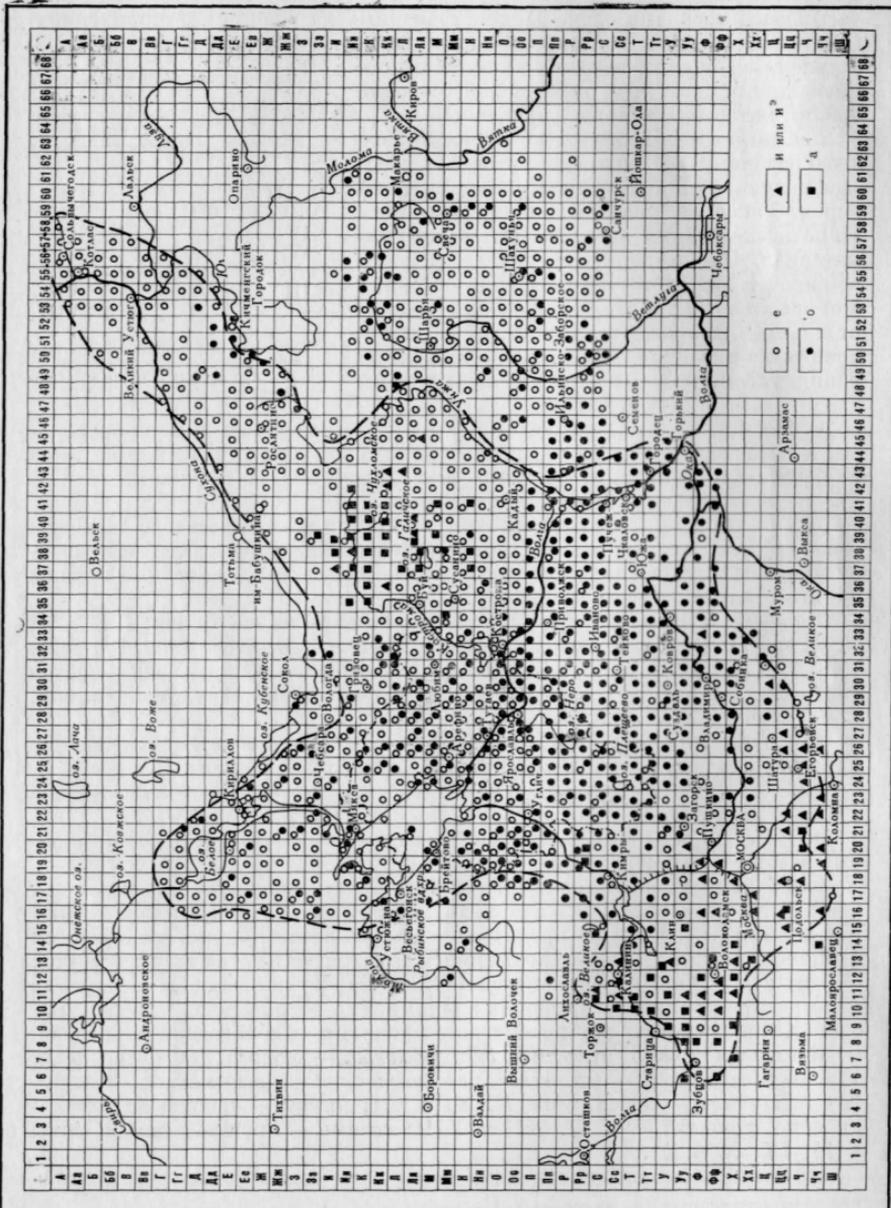
Примерами вторых могут быть слова *бот*, *бото*, *ботов* в значении

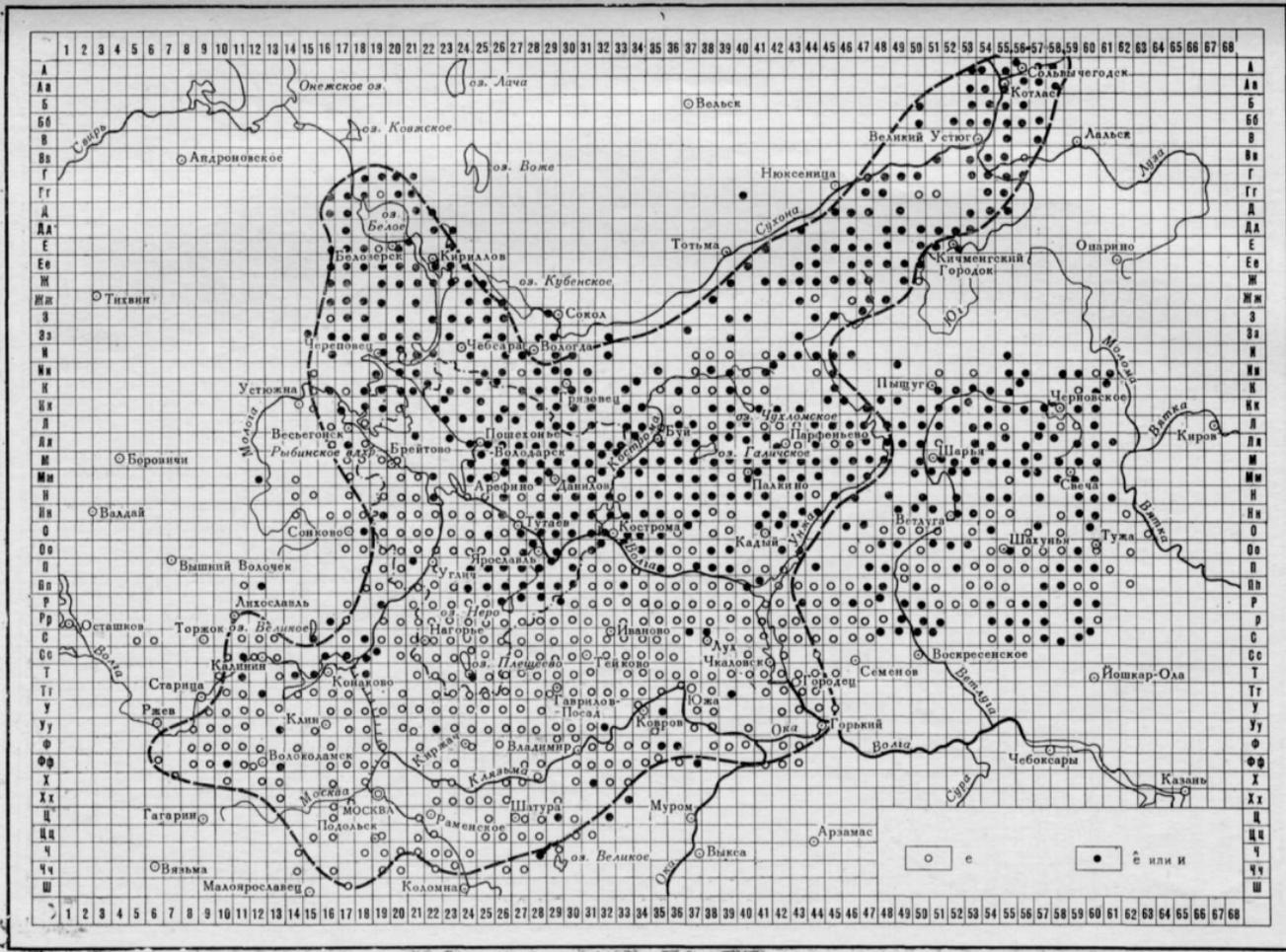
Таблица 1¹

Зоны карты 1	Зоны карты 2
I	I
II, III	II
IV, V, VI, VIII, IX	III
XIV	IV
XIV, XV	V
IX, XI, XII, XIII, XV	VI
XIII	VII
XVI	VIII

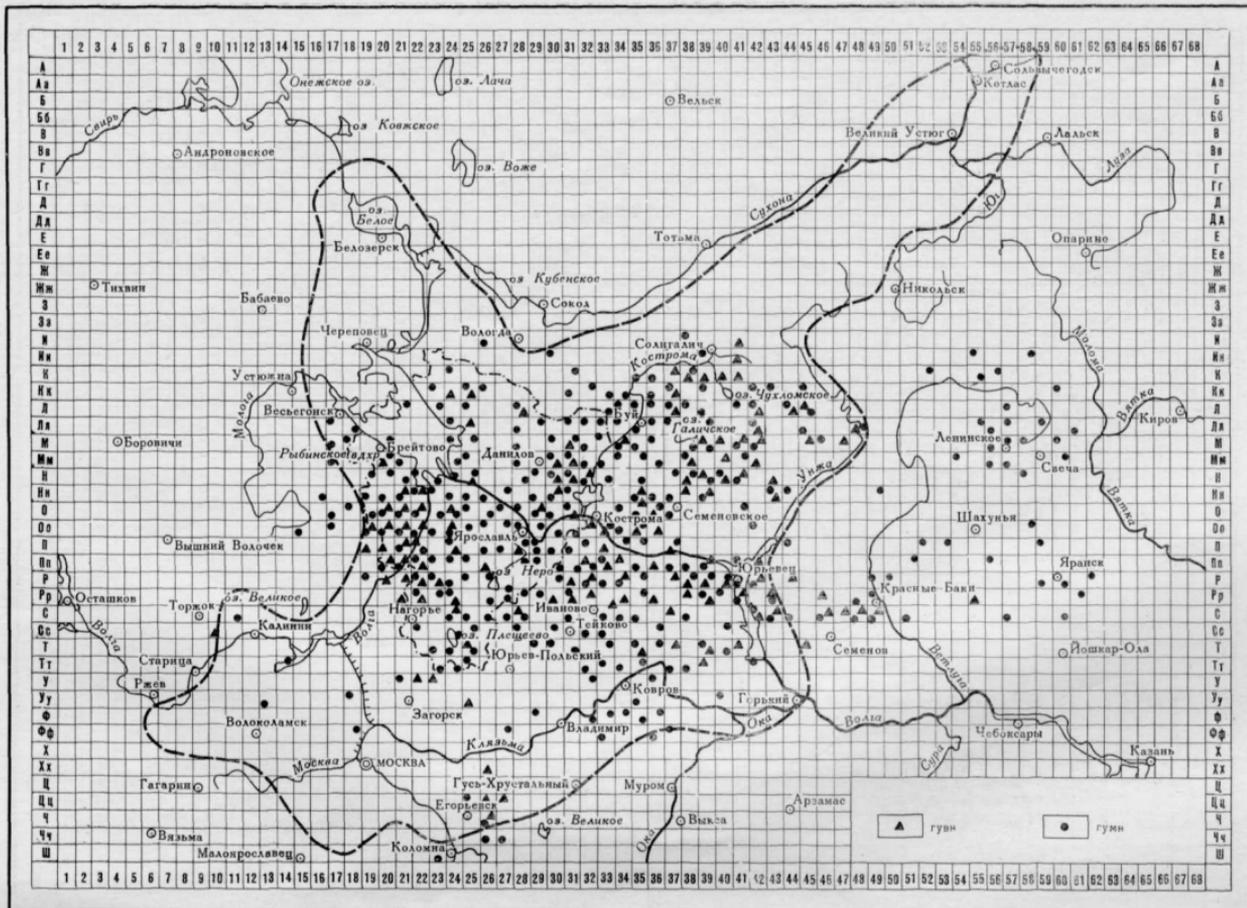
¹ Зоны VII и X карты 1 в таблице не указаны, так как они находятся за пределами Владимирско-Суздальского княжества.

Карта № 8. Гласные на месте этимологических *е, ё* после мягких согласных перед твердыми в 1-м предударном слого

Карта № 9. Гласные на месте ё под ударением перед мягкими согласными

Карта № 16. Распространение слов с корнем «гуш» (-гуми-) в значении «часть усадьбы» или «усадебный дом»

«стебли картофеля», зоны VIII, X, XI и XII, и в значении «листья свеклы» (те же зоны).

5. Некоторые слова, характерные для средневеликорусских говоров, проникли в смежные с ними владимирско-поволжские говоры: *крошня* — корзина, зона XV; *окошь* — косовище, зона XV; *напалок* — ручка на косовище, зона XV.

К а р т а 9. 1. Эта карта показывает, во-первых, что появление *и* и *ѣ* на месте древнего *ѣ* под ударением перед мягкими согласными наблюдается во всех говорах Вологодско-Кировской группы и что по этому признаку они и теперь представляют собой известное единство и могут быть противопоставлены всем остальным говорам нашей территории — как окающим (владимирско-поволжским), так и акающим (средневеликорусским: частично VI и полностью XIV и XVI зоны); во-вторых, она свидетельствует о том, что появление *и* или *ѣ* на месте древнего *ѣ* в говорах X зоны объясняется, видимо, проникновением сюда носителей вологодско-кировских говоров (это предположение подтверждается и другими данными, о чем будет сказано ниже).

2. Аналогичную (но не абсолютно тождественную) картину представляют ареалы ряда других явлений: переход *а* в *е* под ударением между мягкими согласными; мягкость *с* в суффиксах *-ств-*, *-ск-*; слово *повить* — чердак над двором; *молотило* — цепь; *кирбь* (фонетический вариант слова *кербь*) — единица измерения льноволокна.

Некоторые из этих явлений частично проникли во владимирско-поволжские говоры, смежные с вологодско-кировскими.

К а р т а 16. 1. Эта карта нам кажется интересной в том отношении, что представленное на ней явление в основном занимает центральную часть изучаемой территории. Северной границей этой части территории можно считать линию «Ии», а южной — «Уу». Она в значительной степени совпадает с зоной III на карте 2.

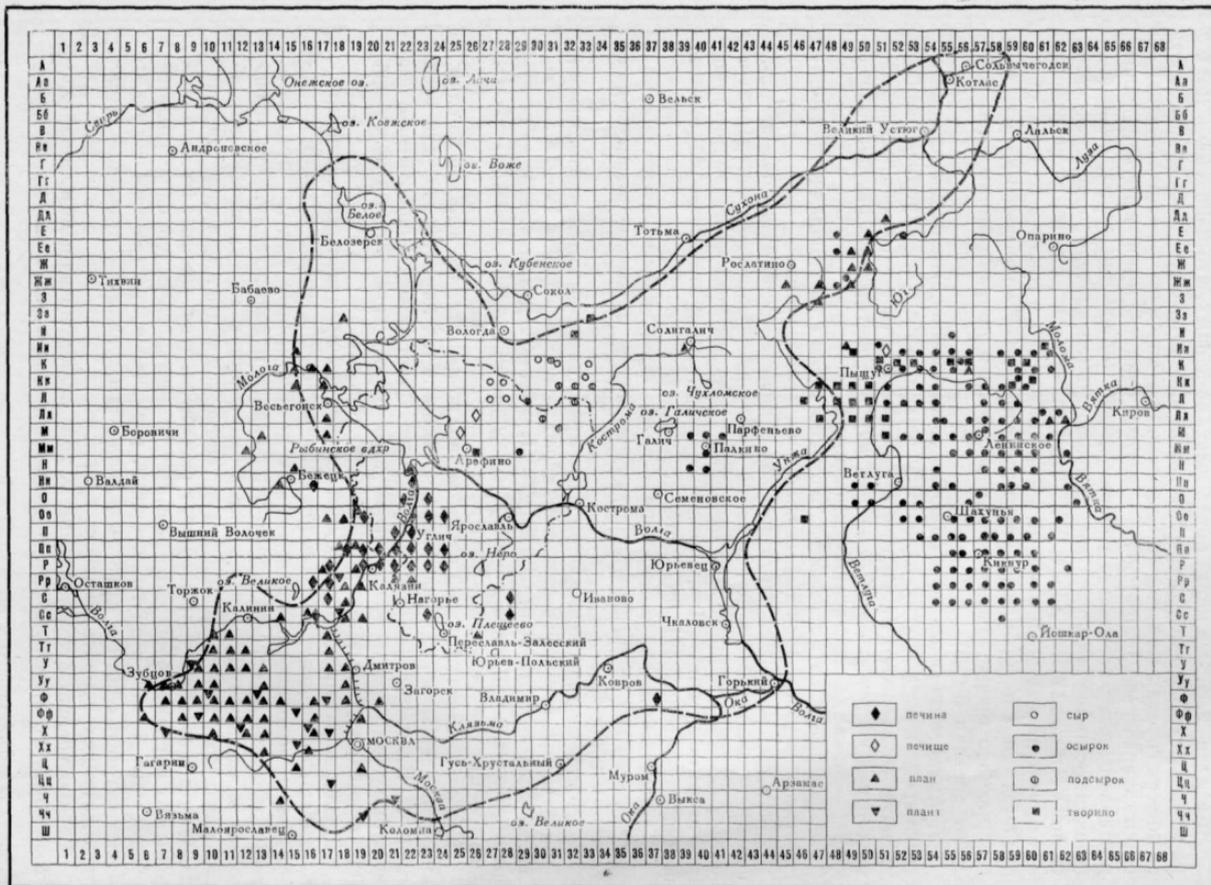
2. Фонетические варианты корня *-гумн-*, *-гунн-* перемежаются и самостоятельных зон не образуют, поэтому не могут служить основанием для членения говоров.

3. Некоторую аналогию к тому, что представлено на этой карте, можно усмотреть в распространении слов *короб* — корзина (зоны IV—IX, XI—XIII), *било* — часть цепа (зоны IV—VI, VIII—XI); *лезвие*, *лезо* — режущая сторона косы (зоны IV—XIII); *дворина* — усадьба (зоны III—XII); *запон* — фартук (зоны V—XIII).

К а р т а 21. 1. Из этой карты видно, во-первых, что ни одно из слов, ареалы которых на ней обозначены, не является характерным для всех говоров Владимирско-Поволжской или Вологодско-Кировской групп; во-вторых, что употребление всех этих слов, кроме *печина* и *печище*, не ограничивается каким-то одним местом.

2. Общность корня в словах *сыр*, *осырок*, *подсырок* дает основание предположить, что в далеком прошлом корневое слово *сыр* в значении «участок земли, используемый для жилья и хозяйственных целей» принадлежало диалекту какого-то одного этнического подразделения, что слова *осырок* и *подсырок* образовались от этого корня в местах новых поселений различных групп потомков и «преемников» этого этнического подразделения и в настоящее время могут рассматриваться двояко: с одной стороны, их корневая общность указывает на лингвистическую связь с одним общим источником; с другой стороны, различие в приставках (*о-* и *под-*) может служить одним из признаков диалектных различий отдельных ныне существующих территориальных групп.

Распространение слова *осырок* в X зоне является еще одним свидетельством того, что отдельные диалектные особенности могут иногда получать

Карта № 21. Распространение слов печина, печище, план, плант, сыр, осырок, подсырок, творило в значении «усадьба»

распространение на «чужой» территории в результате смешения носителей разных диалектов. В X зоне, по нашим данным, смешались носители владимирско-поволжских и вологодско-кировских говоров.

3. Слово *творило* отмечено в трех местах: отдельные случаи в III зоне (восточнее Вологды) и в V зоне (в районе Арефино); более или менее компактно оно располагается в западной и северной частях VII зоны. Это говорит о том, что в прошлом слово *творило* имело более широкое распространение и, видимо, было принадлежностью какого-то диалектного ответвления, распространившегося в III и VII зонах.

4. Слова *печина* и *печище*, по нашему мнению, тоже являются остатками какого-то диалектного подразделения.

5. Слова *план* и *плант*, надо полагать, более позднего происхождения. Какие группы населения были их носителями первоначально, для нас пока неясно.

6. Островной характер распространения отдельных слов зафиксирован и на других картах: 1) названия некоторых корзин: *грозот* (зоны VI и частично IX); *беркун* (зоны IV, частично XI и XIV); *лубня* — (зона IX); 2) некоторые названия брюквы: *немка* (зона IV), *шведка* (зона IX).

К а р т а 27. 1. Слова, представленные на этой карте, в целом характерны для говоров Владимирско-Поволжской группы, хотя в части этих говоров они встречаются редко (в части IX зоны, по правую сторону Волги, и в зоне XIII). Некоторые из этих слов встречаются в средневеликорусских и во владимирско-поволжских говорах. Каждое из них имеет свой ареал, который представляет собою только какую-то часть территории Владимирско-Поволжской группы говоров и говоров средневеликорусских. Так, слово *загородь* характерно только для зон VIII, XI и XII; слово *изгородка* — для XIV и XV зон.

2. Приблизительно такую же картину дает и распространение слова *плетень* — изгородь, с той только разницей, что оно изредка встречается и на территории Вологодско-Кировской группы (зоны V, VI и VII).

Слово *бушма* — брюкva распространено только на территории Владимирско-Поволжской группы (зоны IX, X, XII, XIV и XVI).

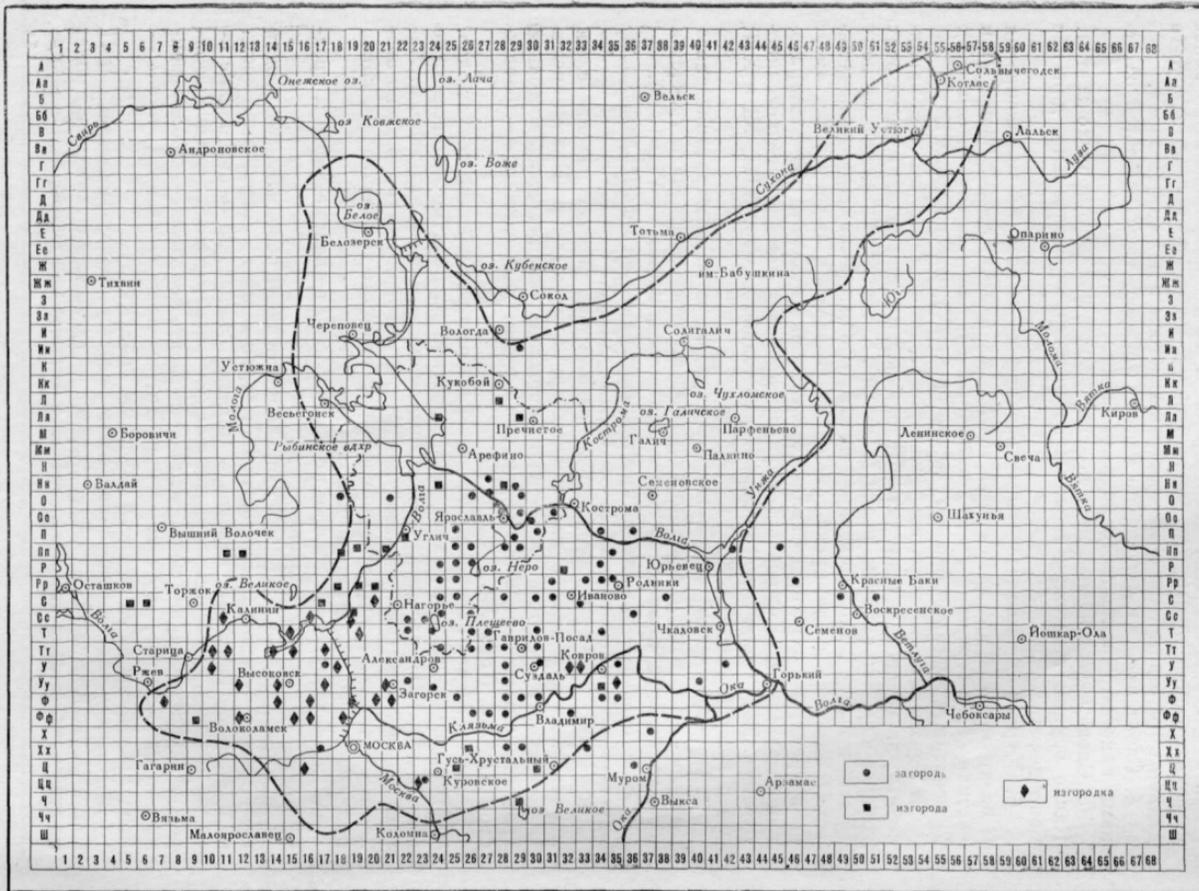
К а р т а 31. 1. На этой карте представлено распространение слов, характерных для каждой из основных групп: *прысло* для Владимирско-Поволжской и *осек* для Вологодско-Кировской. За пределами восточной границы княжества слово *осек* проникло и в говоры Владимирско-Поволжской группы (зона X).

2. Аналогичная картина наблюдается и в распространении других слов. Только на территории Вологодско-Кировской группы, но неповсеместно (зоны I, II, VII), распространено слово *вышка* — чердак над двором. Характерным в основном для этой же группы говоров является слово *оболочка* — одежда. За пределами восточной границы княжества это слово проникло и во владимирско-поволжские говоры (зона X).

VII. Характеристика говоров по зонам, обозначенным на карте 1, представляет следующую картину.

1. З о н ы I, II, III. 1) Рядом слов эти зоны объединяются в одно целое: *осек* — вид изгороди (карта 31); *бурак* и *туес* — берестяной сосуд цилиндрической формы, *пестерь* — корзина, *молотило* — цеп, *путце* — часть цепа, *кадка* — часть цепа, *косовище* — черенок косы, *острие*, *вострие* — режущая сторона косы, *рвать* — тереть лен, *лист* — листья свеклы, *назём* — навоз, *мураши* — муравьи, *оболочка* — одежда, *кирбь* — мера льноволокна, *лонись* — в прошлом году.

2) По ряду слов можно обнаружить различие между говорами I и II зон: в I зоне *пеун*, во II — *петух*; *лопоть* — одежда, отсутствует в I зоне, но есть во II; стебли картофеля в I зоне — *тина* или *ботва*, во II — *кар-*

Карта № 27. Слова загород, изгорода, изгородья в значении «изгородь»

товник; жердь, которой скрепляют укладку на возу, — в I зоне — *потяг* или *гнёт*, во II — *бастрыг* или *оглобля*.

3) Зона III занимает промежуточное место между I и II зонами. С I зоной ее объединяют слова: *загорода* — усадьба, *таскать* — терebить лён, *ботва* — стебли картофеля. Со II зоной ее объединяют такие слова, как *огородец* — усадьба, *ремень* — часть цепа, *фурок* — ручка на косовище, *галанка* — брюква, *петух*, *нагрудник* — фартук, *лопоть* — одежда.

4) В III зоне есть ряд слов, которые отсутствуют в I и II зонах: слова с корнем *-гумн-* (*гумно*, *гуменник* и др., карта 16), *дворина* — усадьба, *сыр* — усадьба (карта 21), *плетюха* — корзина, *крошни* — корзина, *палец* — ручка на косовище, *рубец* — тупая и утолщенная сторона косы, *пригнётка* — жердь для скрепления поклажи на возу. Все эти слова, кроме *пригнётки*, указывают на связь данной зоны с более южными зонами новгородской колонизации и некоторыми зонами кривической колонизации.

5) По некоторым словам можно наметить линию связи II зоны с некоторыми зонами центральной части Владимиро-Суздальского княжества: *поветь* — чердак над двором (IV—VIII зоны), *курок* — ручка на косовище (III—XII и XV зоны) и др.

2. Зоны IV, VIII—XIII и XV. Эти зоны охватывают территорию Владимиро-Поволжской группы говоров в целом. В говорах этих зон обнаруживается влияние, с одной стороны, вологодско-кировских говоров, с другой — средневеликорусских.

Из вологодско-кировских говоров проникли следующие слова: *загорода* — усадьба (зоны IV и XI), *бурак* — берестяной сосуд цилиндрической формы (зоны IX, X, XI, XII и XIII), *пестерь* — корзина (VIII и XI), *плетюха* — корзина (зоны IV, VIII, IX, X, XI), *короб* — корзина (зоны IV, VIII, XI, XII), *молотило* — цеп (зоны IV, VIII, IX, X, XI, XIII), *баской*, *баско* — красивый, красиво (зоны IV, VIII, IX—XIII) и некот. др.

Из акающих говоров во владимиро-поволжские говоры проникли такие слова, как *план* — усадьба (зона XV, карта 21), *плеть* — изгородь (зоны IV, VIII, IX, X, XI, XII и XIII), *брать* — терebить лён (зоны XII и XV), *бушма* — брюква (зоны IX, X, XII), *цеп* (зоны IV, XII, XIII, XV), *кочет* — петух (зоны VI, IX, X, XII и XIII) и некот. др.

3. З о н а VI. В VI зоне, как известно, наблюдается оканье и аканье, причем последнее характерно только для района Чухомы, Галича и Солигалича. Относительное единство говоров этой зоны создается общностью лексики. Можно выделить ряд слов, характерных для этой зоны и имеющих незначительное распространение за ее пределами (обычно эти слова встречаются в одной-двух смежных зонах): *верх* — чердак над домом (зоны V, VI и X), *огородец* — изгородь (зона VI), *грохот* — корзина (зоны VI и IX), *падок* — ручка цепа (зоны VI, IX и XIII), *летина* — листья свеклы (зоны VI и XII), *кочет* — петух (зоны VI, IX, X, XII и XIII).

Нетрудно заметить, что по этим словам говоры VI зоны объединяются с говорами ближайших зон Владимиро-Поволжской группы. Наряду с этими словами в VI зоне есть и такие, которые являются характерными для говоров Вологодско-Кировской группы: *творило* — усадьба (зоны V, VI, VII, карта 21), *поветь* — чердак над двором (зоны II, IV, V, VI, VII и VIII), *осек* — изгородь (зоны I, II, III, V, VI, VII, X, карта 31), *зобня* — корзина (зоны I, II, V, VI), *галанка* — брюква (зоны II, III, VI, VII и X) и некот. др.

4. З о н ы XIV и XVI. Это зоны средневеликорусских акающих говоров. Их лексика характеризуется, во-первых, отсутствием подавляющего большинства слов, имеющих в смежных говорах Владимиро-Поволжской группы; во-вторых, наличием таких слов, которые, видимо,

вначале были только в этих говорах, а затем проникли и в некоторые соседние окающие говоры (в основном в XV зону): *изгорода* — изгородь (зоны XV и XVI, карта 27), *крошня* — корзина (зоны XIV и XV), *цепинка* — часть цепа (зоны XIV, XV и XVI), *битец* — часть цепа (зоны XI и XVI), *окошь* — косовище (зона XVI), *гнетень* — жердь, которой скрепляют укладку на возу (зоны V и XIV), *стёжка* — тропинка (зоны V, VIII, XV, и XVI).

Таким образом, эти зоны выделяются не только аканьем, но и наличием в них некоторых лексических особенностей. Этим они отличаются от окающих говоров VI зоны, находящейся в окружении окающих говоров.

VIII. Считаем также необходимым отметить следующее:

1. Некоторые слова (*летось*, *летошний* — прошлый год, прошлогодний, *дёргать* — теревить лен, *молотило* — цеп, *огород* — изгородь, *кадка* — часть цепа и др.) являются общими для вологодско-кировских и владимирско-поволжских говоров.

2. Некоторые слова встречаются только в западной части нашей территории: *загорода* — усадьба (зоны I, III, IV, V, VIII и XI), *глобка* — тропка (зоны I, IV, V), *жито* — ячмень (зоны I, IV, V, VIII, XI, частично XII, XIV, XV).

3. Ряд слов характерен, в основном, только для Ярославской области. Слово *усад* — усадьба распространено почти по всей Ярославской области, особенно в ее восточной половине и частично захватывает Ивановскую область северо-западнее г. Иванова. Приблизительно так же распространились слова *лубянка* и *коренуха* — корзины.

4. Слово *пеун* — петух отмечено в некоторых говорах Ярославской области и в говорах Белозерья (зоны I, IV, V, VIII и XI).

Некоторые итоги исследования

I. Деление говоров территории, которую в XII — начале XIII в. занимало Владимиро-Суздальское княжество, на северновеликорусские и средневеликорусские, а северновеликорусских на группы Вологодско-Кировскую и Владимирско-Поволжскую, данное в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» (1915), подтверждается и рядом дифференцирующих признаков современных говоров этой территории (см. комментарии к картам 8 и 9).

Но при этом необходимо отметить следующее: во-первых, количество дифференцирующих признаков, по которым разграничивались говоры этих групп северновеликорусского наречия на карте 1915 г., уменьшилось (см. стр. 20, пункт V); во-вторых, ареалы ряда этих признаков значительно сократились, и они в настоящее время являются характерными не для всей совокупности говоров данной группы, а только для какой-то части их, и признаками данной группы говоров их можно считать только условно, т. е. в том смысле, что они отсутствуют или встречаются очень редко в говорах противоположной группы; в-третьих, границы между этими группами говоров в ряде случаев сместились: по одним признакам расширилась территория Вологодско-Кировской группы, по другим, наоборот, — Владимирско-Поволжской (см. комментарии к картам 27 и 31, а также стр. 20, пункт V).

II. 1. Опираясь на исходные данные, указанные выше (см. стр. 24—25, пункты 2 и 3), и исследования других авторов (лингвистов и историков), мы также приходим к убеждению, что современные говоры интересующей нас территории исторически связаны с соответствующими говорами племенных союзов, колонизовавших эту территорию, т. е. вологодско-кировские говоры сложились и развились на основе говоров словен (новгород-

цев), владимирско-поволжские — восточных кривичей, средневеликорусские — на основе синтеза восточнокривических и вятичских говоров.

2. Говоры каждого из этих племенных союзов не могли быть абсолютно однородными, так как их население не составляло такого тесного единства, которое бы полностью исключало возможность дальнейшего развития диалектных различий между его отдельными группами. Эта возможность не исключалась в период существования Владимиро-Суздальского княжества и в более позднее время¹⁸. Поэтому вполне реально допустить, что и членение говоров, данное на «Диалектологической карте русского языка» (1964), явившееся результатом глубокого анализа обширных материалов, собранных по единой программе и определенной сетке, в какой-то мере отражает и следы тех подразделений говоров, которые уже были или только складывались, оформлялись в период существования Владимиро-Суздальского княжества.

3. В результате перемещения и взаимодействия между отдельными группами носителей разных диалектов образовались новые лингвистические подразделения, синтезирующие в себе (в разных соотношениях) признаки тех диалектов, из которых они сложились (см. замечания о говорах отдельных зон, обозначенных на карте 1, — стр. 35—39, раздел VII).

III. 1. Колонизационный поток словен (новгородцев), распространившийся по территории Владимиро-Суздальского княжества, был, видимо, очень значительным по численности населения и неоднороден по этническому составу, а следовательно, и по языку. В основном новгородцы колонизовали пространство по левую сторону Волги, но некоторые группы их проникали и оседали в отдельных районах по правую сторону Волги, особенно на территории нынешних Ярославской и отчасти Ивановской областей.

2. Наши материалы дают основание для предположения, что в левобережном колонизационном потоке словен (новгородцев) было два ответвления: северное и южное. Граница между ними (по данным современных говоров) проходила приблизительно по линии «Кк». К северному ответвлению мы относим зоны I, II и III (по карте 1). Кстати, эти зоны выделяются и на карте 2. К южному ответвлению относим зоны V, VI и часть IX (ту, что по левую сторону Волги). VII зона соединяет в себе признаки южного и северного ответвлений.

IV. Кривичи, в основном, расселились по правую сторону Волги. Кривическими зонами можно считать VIII, часть IX; XI, XII, XIII и XV. По левую сторону Волги оказываются: IV зона (в пределах княжества) и X зона (за пределами княжества.)

V. Потомки вятичей занимают южную и юго-западную окраины нашей территории (в основном, XIV и XVI зоны), а также часть VI зоны (в районе Чухломы, Галича, Солигалича).

VI. В настоящее время уже невозможно выделить ростово-суздальский диалект по тем признакам, по которым он выделялся в далеком прошлом (см. стр. 20—21, разделы V и VI).

VII. Говоры Владимиро-Поволжской группы (в основе своей говоры восточных кривичей) испытали на себе двойное воздействие: с севера, северо-запада и частично с запада — вологодско-кировских говоров; с юга и частично с юго-запада — акающих говоров, носителями которых являются прямые или косвенные потомки вятичей (см. стр. 35—36, пункт 2).

¹⁸ См.: Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, стр. 65.

VIII. В основе говоров I—III зон лежит один диалект, который к настоящему времени претерпел ряд изменений, позволяющих разделить его на три зоны. Эти изменения произошли, во-первых, в результате тех процессов, которые совершались в локальных частях этого диалекта; во-вторых, в результате контактов носителей его с носителями других диалектов.

IX. Колонизация II зоны шла по двум путям: со стороны Белозерья по р. Сухоне и со стороны центральных районов княжества по Волге, Костроме и затем по Сухоне (см. стр. 35, раздел VII, пункт 1).

X. Говоры III зоны синтезируют в себе частично признаки I и II зон и частично признаки, приобретенные ими в результате контактов с говорами других зон (см. там же).

XI. Акающие говоры VI зоны претерпели значительные изменения: во-первых, в них почти нет южнорусской лексики; во-вторых, синтезировалась лексика владимирско-поволжских и вологодско-кировских говоров (см. стр. 37, пункт 3).

XII. Акающие говоры XIV и XVI зон заметно отличаются по лексике от акающих и окающих говоров VI зоны (см. стр. 37, пункт 4).

XIII. По ряду признаков можно выделить, во-первых, говоры, которые распространены на территории между линиями «Ии» и «Уу» (см. комментарии к карте 16); во-вторых, говоры, которые расположены в западной части княжества (стр. 39, раздел VIII, пункт 2).

XIV. По распространению слова *пеун* и некоторых других слов можно предположить, что в колонизации территории нынешней Ярославской области принимало участие одно из тех этнических ответвлений новгородцев, которое колонизовало район Белозерья.